

нанялся? Просто я заставил раба божия говорить по-иному, чем сказано у него».

Как-то раз Малерб прочел Ракану стихи и спросил его мнение о них. Ракан двинился и сказал ему: «Я их как следует не расслышал: вы половину проглотили». Это задело Малерба за живое, и он раздраженно отшаркивал: «Черт подери! Ежели вы будете меня сердить, я их проглочу целиком. Ови мои, сочинил их я и потому могу делать с ними все, что хочу».

Малерб не всегда бывал таким нелюбезным и говорил про себя сам, что он Бормотун из Бормотании. Он читал вслух хуже чем кто-либо и, декламируя, шортил свои прекрасные стихи: помимо того, что его почти не понимали из-за косноязычия, а также из-за его глухого голоса, он еще брызгал слюною по меньшей мере раз шесть, читая четырехстрочную строфу. Оттого-то кавалер Марини и заявлял, что еще никогда не видел человека, который источал бы столько жидкости и писал столь сухие стихи. Из-за того, что он ужасно плевался, Малерб и поровил всегда стоять подле камня.

Он сердился на нищих, которые называли его «Мой благородный барин», и говорил ругаясь: «коли я барин, значит и благороден».

Г-ну Шаплену, который спрашивал у него совета, в какой манере ему следует писать, он отвечал: «Читайте то, что напечатано в книгах, и не повторяйте ничего, что там сказано».

Тот же г-н Шаплен застал раз Малерба лежащим на диване и напевающим:

Где была ты, Жанна?
Жанна, где была?

Встал он с дивана, лишь докончив песенку. «Я предпочел бы написать вот это, — заявил он, — чем все сочинения Ронсара».

Ракан сообщает, что он слышал, как Малерб говорил то же самое про другую песенку, которая кончается словами:

Что вы мне дадите?
Спящей притворюсь.

Он вычеркнул более половины стихов из своего издания Ронсара и изложил причины этого на полях. Однажды Ракан, Коломби, Ивранд и еще кое-кто из друзей Малерба перелистывали эту книгу, лежащую на столе, и Ракан спросил хозяина, одобряет ли он то, что им не вымарано. «Не более, чем остальное», — ответил тот. Это дало повод собравшимся, в частности Коломби, сказать Малербу, что после его смерти те, кто найдет эту книгу, подумает, что он одобрял все невычеркнутое. «Вы правы», — отвечал Малерб и тотчас же вымарал все остальное.

Обстановка у него была довольно скудной, и снимал он обычно меблированную комнату, где стояло лишь семь-восемь соломенных стульев;